

*Лилия Корнильева, докторант
Харьковский национальный педагогический университет
имени Г. С. Сковороды*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА Р. САУТИ В КОНТЕКСТЕ АНГЛИЙСКОГО РОМАНТИЗМА

Роберта Саути можна схарактеризувати як дуже впливового, хоча й суперечливого, суспільного діяча свого часу. В 1790-х рр. він був прибічником Французької революції, радикалом і республіканцем. А вже в 1820-х рр. Саути став затятим консерватором, який не сприймав реформи і виражав стурбованість згубним впливом індустріалізації на суспільство. У результаті, Саути охрестили відступником і ренегатом. Між тим, еволюція соціальних і політичних поглядів Саути, що відображена в його творчості, виявилася куди більш складною, ніж вважалося раніше. У своїй поезії Р. Саути ускладнив і по-новому змоделивав концепцію англійського романтизму, формуючи також імперську ідеологію. Саути часто торкався теології, національного питання, висвітлював колоніальний досвід Британії, піднімав різні соціальні проблеми, висвітлював взаємини людини з Богом, осмислював закони природи, історію й т.п. Саме тому в даний момент його роботи набувають нового звучання, і Саути знову постає перед нащадками, як великий поет, повноправний член триумвірату поетів Озерної школи, провісник соціалізму й колективізму й одна із ключових фігур англійського романтизму.

Ключові слова: Саути, Французька революція, англійський романтизм.

Роберта Саути можно охарактеризовать как очень влиятельного, хотя и противоречивого, общественного деятеля своего времени. В 1790-х гг. он был приверженцем Французской революции, вследствие чего приобрёл известность радикала и республиканца. А уже в 1820-х гг. он стал ярким поборником консерватизма, который противился реформам и выражал обеспокоенность губительным влиянием индустриализации на общество. В результате, Саути окрестили отступником и ренегатом. Между тем, эволюция социальных и политических взглядов Саути, отобразённая в его творчестве, оказалась куда более сложной, нежели считалось ранее. В своей поэзии Р. Саути усложнил и по-новому смоделировал концепцию английского романтизма, формируя также имперскую идеологию. Саути часто касался теологии, затрагивал национальный вопрос, освещал колониальный опыт Британии, поднимал различные социальные проблемы, освещал взаимоотношения человека с Богом, законы природы, историю и т.п. Именно поэтому в настоящий момент его работы получают новое прочтение, и Саути вновь предстаёт перед потомками, как великий поэт, полноправный член триумвирата Озёрных поэтов, предвестник социализма и коллективизма и одна из ключевых фигур английского романтизма.

Ключевые слова: Саути, Французская революция, английский романтизм.

Robert Southey may be characterized as a highly influential, though controversial, public figure of his own day. In the 1790s Southey was very enthusiastic about the French Revolution, and was widely known as a radical and a republican. By the 1820s, however, the poet became a fierce conservative who opposed reforms and was very anxious about the detrimental effects of industrialization. As a result Southey was labeled a turncoat and a political apostate. Meanwhile, the development of Southey's social and political ideas reflected in his writings is much more complex than it was thought to be. In his poetical works Robert Southey was able to complicate and reconfigure English Romanticism, shaping ideologies of empire. Southey often tackles theology, national character, British colonial experience, various social problems, providence, natural laws, history, etc. Because of that his literary works are being reconsidered, and Southey appears again as an illustrious poet, a true member of the Lake School, a precursor of socialism and collectivism, and one of the key personages of the English Romantic culture.

Key words: Southey, the French Revolution, English Romanticism.

Принадлежность Р. Саути к романтическому движению в большинстве случаев не вызывает сомнений как у отечественных учёных-литературоведов, так и у их коллег из Западной Европы и США. Однако вместе с тем даже эта, казалось бы, базовая для литературоведения классификация, не лишена противоречий.

Прежде всего, в поэзии Саути часто выделяются черты, свойственные предромантикам, а в отношении самого поэта употребляется английское слово “precursory”(предтеча). К примеру, в «Литературной истории Англии»(A literary history of England (2005)) сказано, что «Саути во многих сферах романтизма был первым и проложил дорогу более великим поэтам. В «Талабе» и «Проклятии Кегамы» он проникает в арабский мир и далее на восток; в «Мэдоке»—в Уэльс и в Америку, в Родерике – в Испанию. Он был предшественником, предтечей для романтиков»[6;59].

Один из наиболее известных саутоведов современности М. Стори в своей статье «Романтическая биография: дело Роберта Саути» (Romantic Biography: The Case of Robert Southey(2003) подчёркивает, что именно Саути предвосхищает демократизацию поэзии, традиционно приписываемую Вордсворту преимущественно на основании его предисловия 1800 г. к «Лирическим балладам» как в плане выбора тем, так и в том, что вскоре стали рассматривать как «анти-поэтический» стиль. Отмечается, что «Мэдок» Саути только сейчас начинают позиционировать, как основную поэму о национальном государстве, а «Талаба» и «Проклятие Кегамы» в настоящее время могут иметь прочтение не только как предвестники эпических произведений Китса и Шелли, но и как главные поэмы, которые определили сильный интерес Байрона к Востоку[19; 33-34].

В. Немоиану в книге «Триумф несовершенства: Серебряный век социокультурной умеренности в Европе, 1815-1848» (The triumph of imperfection: the Silver Age of sociocultural moderation in Europe, 1815-1848(2006)) говорит о том, что именно Саути первым отошёл от традиционного для 18 столетия локализма (который, как подчеркнул исследователь, до сих пор звучит в некоторых стихах Уордсворта и Кольриджа) в пользу глобальной полноты, которая отличает как его эпические поэмы, так и прозу, подобную «Истории Бразилии» в 3-х томах[15; 212].

Кроме того, был сделан вывод, что антиинтеллектуализм Саути не присущ, а назидательный характер многих его произведений сродни морализирующему духу предшествующей романтизму эпохи. В частности, Э. Дауден в монографии «Саути»(Southey(2011)) подчеркнул, что тот, кто знает Саути, может распознать дух морали в каждом его стихотворении[9;190].

Однако отдельные черты предшествующей Романтизму эпохи, наличествующие в поэзии Саути, не давали оснований однозначно исключить Саути из числа романтиков, тем более, что сделать это не столь легко и в силу неоднозначности и антиуниверсальности самого термина «романтизм».

Саути до сих пор не воспринимается как значительная фигура периода Романтизма ещё и потому, что многие учёные-литературоведы видят для себя существенное препятствие в том, чтобы называть Саути романтиком, если он сам себя таковым не считал. С. Перри в статье «Романтизм: краткая история концепции»(Romanticism. The Brief History of a Concept(1999) как наиболее важный факт о романтизме видит то, что сам термин появился после смерти романтиков, которые сами не знали, что они были романтиками[16; 4]. И если существование «романтизм» первым ввел в обиход Новалис в конце 18 в., концептуализировал и популяризовал А. Шлегель(в лекциях, которые он читал в конце 18 – начале 19 в. в Йене, Берлине и Вене («Лекции об изящной литературе и искусстве», 1801—1804) и только в Вене в 1808-1809 гг.), а закрепил И. Гёте в работе «Романтическая школа» (1836), то прилагательное «романтический» появилось намного раньше.

С. Чу и Р. Атик делают упор на то, что прилагательное «романтический» впервые появилось в английском языке ещё в середине 17 столетия как слово, призванное характеризовать всё мифическое, экстравагантное, воображаемое, не существующее в реальности[6;15]. И на момент, когда «Лирические баллады» впервые вышли в свет в 1798 г., слово «романтический» тоже не являлось комплиментом. Оно означало «причудливый», «не серьёзный», «не важный» [18; 32]. Д. Крейг в монографии «Роберт Саути и романтическое отступничество: политическая дискуссия в Британии, 1780-1840»(Robert Southey and romantic apostasy: political argument in Britain, 1780-1840(2007)отмечает, что никакой писатель начала 19 века не стал бы характеризовать себя как романтик, и в самом деле, только к концу 19 столетия слово вошло в моду[7; 4]. Показательно также, что в одной из самых лучших биографий Саути, написанной Ч. Т. Брауном в 1854г., через 11 лет после смерти поэта, Саути никогда не характеризуется как романтик, а прилагательное «романти-

ческий» употребляется в значениях, не имеющих никакого отношения к литературному движению[4; 12, 49, 80, 118]. Данное слово не упоминается и в письмах Саути.

Очень важно и то, что в начале 20 столетия, которое ознаменовалось интересом по отношению к социальным и политическим идеям лейкистов, концепции романтизма ещё не требовалось, чтобы объяснить их. И это как раз и был тот период, когда постижение романтизма пошло быстрыми темпами. В этих научных разысканиях более задавались вопросом о влиянии революции на поэзию, нежели рассматривали идеи озёрных поэтов как таковые. А изучение немецкого «романтизма» как раз и предполагало, что романтизм – это движение социальной и политической мысли. Эти романтики, как утверждалось, перестали поддерживать Французскую революцию с её механистическим и рационалистическим пониманием общества в пользу естественного и исторического подходов. Поэтому они всё чаще видели религию и медиевализм как антидоты современному им индивидуализму. Из этого следовало, что озёрные поэты были «радикалами», которые стали «консерваторами», хоть и идиосинкратическими. Эта парадигма и была применена по отношению к озёрным поэтам[7; 4].

В результате, как отмечает Д. Крейг, в последние десятилетия различные учёные-литературоведы стали либо «распарывать» романтическую идеологию, либо оставлять её в стороне как отступление от прочтения авторов в их действительном историческом контексте[7; 6]. При этом, на наш взгляд, «распарывать романтическую идеологию» в Британии начали уже давно. К примеру, в очень авторитетной работе А. Коббана «Эдмунд Бёрк и восстание против 18 века(1929), которая часто цитируется в современных исследованиях о романтизме и, в том числе, самим Д. Крейгом в указанной выше работе, её автору концепции романтизма не понадобилось вовсе, чтобы представить лейкистов критиками эпохи Просвещения.

Есть также отдельные мнения, что Саути не является романтиком в полном смысле этого слова, т.к. в его творчестве нет свидетельств подлинного романтического мышления. К примеру, Э. Бернхардт-Кабиш, являющийся одним из наиболее авторитетных западных учёных-саутоведов, в своей монографии «Роберт Саути» высказал положение о том, что Р. Саути, являясь, подобно другим романтикам, наследником эпохи Просвещения, был, всё же, не в состоянии прорваться к новому мышлению, которое мы и называем «романтическим»[2; 9].

Подобные заявления о Саути пристекают, на наш взгляд, от того, что, с одной стороны, термин «романтизм» или «романтическое движение» указывают на определённое единство и взаимную связанность произведений литературы[3;7], и, в то же самое время, не утрачивает актуальности утверждение А. Лавджоя о том, что термин «романтизм» употребляется так широко и трактуется так по-разному, что он уже перестал что-либо обозначать. Следует подчеркнуть, что в этом отдельно взятом вопросе с А. Лавджоем согласился даже основной его оппонент – австрийский учёный Р. Веллек, который тоже рекомендовал использовать термин «романтизм» более осторожно. Таким образом, пытаясь охарактеризовать романтизм как некое единство, учёные отказывают в оригинальности тем романтикам, чьи взгляды и творческий метод не соответствуют каким-то установленным рамкам, напрочь забывая о зыбкости самих стандартов. Р. Саути до сих пор выбивается из общего контекста английского романтизма из-за его непохожести на ключевых фигур, которых в Британии выделили лишь шесть и поровну поделили на два поколения. Так, А. Дэй в книге с ёмким названием «Романтизм»(1996) прямо заявляет ещё во Введении, что будет говорить лишь о шести наиболее видных романтиках, а если читателю будет интересно творчество других представителей этого движения – то информацию можно найти в ряде других работ, которые им предусмотрительно перечисляются[8; 11].

Интересно и то, что в разные эпохи ключевыми фигурами романтизма назывались совершенно разные люди. Например, ещё в 1820 г. «мудрец из Хайгейта», как называли Колриджа, составил список романтиков, к которым он причислил только Саути, Скотта и Байрона. С тех пор, как отмечают исследователи С. Чу и Р. Аттик, учёные подстраивают термин «романтик» под собственные нужды. Так, превосходство Блейка, Вордсворта, Кольриджа, Китса, Байрона и Шелли было преимущественно изобретением XX века, а теперь оно постепенно вытесняется растущим пониманием того, что у романтизма было и женское лицо, вследствие чего творчество знаменитых представительниц эпохи романтизма только сейчас стало получать должную оценку[6;15]. Однако, несмотря на существующую в современном западном литературоведении задачу выйти в своих научных разысканиях за рамки «большой шестёрки» Блейк – Вордсворт – Кольридж – Китс – Шелли – Байрон, Р. Саути всё так же позиционируется как менее значимый и не характерный представитель романтизма.

Вопреки сложившемуся в советском литературоведении мнению, что английский романтизм не мыслим без изучения манифестов романтиков, в западном литературоведении существует мне-

ние о том, что романтизм в Англии был неформальным и практически полностью непривязанным к какой-либо доктрине[6;16]. Нет данных, что Саути когда-либо следовал программным материалам йенского кружка романтиков, которые были сформулированы в конце 90-х гг. 18 в. в журнале «Атеней» или же что он штудировал более поздние работы Бёрка, де Местра и Шатобриана, которые увидели свет в 1790 и 1797 гг. соответственно. Предисловие У. Вордсворта к «Лирическим балладам» тоже не открыло Саути как романтика, равно как и мало влияния на Саути-поэта имели тезисы Шелли.

Справедливой представляется мысль, что в то время как между художниками существовала общность и сами они точно знали, как именно они хотели поменять образную картину, романтики Блейк, Вордсворт, Кольридж, Байрон, Шелли и Китс никогда вместе не оказывались в одном помещении, а если бы это и произошло, они, наверное, сразу бы не сошлись во мнениях. Одним из факторов, определяющих подобное положение, был, по мнению учёных, конфликт поколений. Отмечается, что Байрон, Шелли и Китс могли бы наслаждаться общением с Вордсвортом, если бы ему было почти тридцать или тридцать с небольшим, но к моменту, когда поэты младше достигли художественной зрелости – это приблизительно 1816 год для Шелли и Байрона и 1819 год для Китса – Вордсворт уже был человеком среднего возраста, согласился на должность Распорядителя Печатей в Уэстморленде и, кажется, забыл религиозные и политические воззрения своей юности. Байрон присоединился к критическому обсуждению концепции романтизма только в 1821 году, в то время как Колридж опередил его в этом лишь на год[18; 33].

По этой причине учёные не склонны усматривать в английском романтизме некий монолит, который сформирован на основе или подкреплён некими программными документами.

Кроме того, значение творчества Саути в становлении и развитии английского романтизма не определено ещё и потому, что поэт зачастую не воспринимается как самодостаточный. Саути, почему-то, обязательно должен быть на кого-то похож, причём спектр и основа для уподоблений поражают воображение. К примеру, в книге «Литература и аутентичность, 1780-1900: Эссе в честь Винсента Ньюи»(2011) сказано, что «хотя и рождённые в 1742 и 1774 году соответственно, А. Сьюард и Р. Саути имели много общего. Амбициозные и успешные авторы, они были плодами процветающих провинциальных сообществ. Сьюард родилась и жила в Личфилде, в то время как Саути родился в Бристоле и провёл большую часть своей начавшейся взрослой жизни на юго-западе Англии прежде чем переехал в Кесуик(Кезик) в 1803 г. Оба были вовлечены в сложные социальные, культурные, религиозные, научные и политические взаимоотношения внутри их местного окружения»[12; 26]. У Д. Фэйрера читаем: «в Томасе Вартоне, в особенности, Саути узнавал того, кто сочетает в себе сразу несколько аспектов себя самого: поэт, учёный, библиограф, издатель, поэт-лауреат»[11; 13]. И примеров, подобных этим, можно найти десятки, если не сотни, но не всегда подобные сравнения являются оправданными и помогают раскрыть основные черты, присущие личности Саути и охарактеризовать художественную ценность его литературного наследия.

Образ Саути – «недоромантика» дополняет и распространённое мнение, что Саути если и был романтиком, то только в ранней молодости. Обвинения в эскапизме, лицемерии, ренегатстве, приспособленчестве имели колоссальное и беспрецедентное влияние на репутацию Саути-поэта, Саути-романтика, Саути-общественного деятеля и Саути-человека. Прежде всего, возникает вопрос, почему мишенью для нападок был избран именно Саути, ведь доподлинно известно, что подобную трансформацию во взглядах пережили и Вордсворт, и Кольридж. Вордсворт, к примеру, на всеобщих выборах 1818 г. поддержал лорда Лонсдейла – тори, что подтвердило лояльность этого поэта по отношению к консерватизму, который романтики второго поколения презирали[6;15]. Защищая Саути от нападок Хазлитта, Кольридж писал в своей статье для Курьера, что Саути сменил свои политические воззрения ещё до того, как стал поэтом-лауреатом, а затем Кольридж ещё раз повторил эту же мысль в книге “Biographia Literaria”. Однако, как справедливо отмечает Д. Крейг, Кольридж таким образом защищал не только Саути, но и себя[7; 2-3]. Тем не менее, предметом жарких споров в обществе стал именно Саути.

В. Немоиану объясняет это тем, что политическая ситуация, сложившаяся в Англии в начале 19 в. была не только разочаровывающая, но и приводящая в ярость. Поэтому в тех условиях выход для сдерживаемого гнева был совершенно необходим. Склоняющиеся к консерватизму интеллектуалы представлялись самой подходящей мишенью, хотя даже они были труднодостижимы. Подчёркивается, что В. Скотта подобные вещи мало заботили и, кроме того, смесь дружелюбности и воинственности, ему присущую, было нелегко атаковать. Все осознавали, что было непродуктивно нападать на С. Т. Кольриджа, чьи огромные медицинские и личные проблемы делали его скорее объектом для сострадания, нежели объектом для чего-то другого. У. Вордсворт, как отмечается,

был «проницательным и эксцентричным брюзгой, который уединился в сельской местности и хорошо знал какие политические заигрывания принимать, а какие отклонять». Саути, напротив, выглядел здоровым и радостно подобрал то, что отклонил Скотт: лауреатство. И в то время, когда манера Вордсворта отличалась метафорической косвенностью, а стиль Кольриджа был фрагментарным, извилистым, метафизическим, скрывающим его намерения, выразительная проза Саути и его личное свойство обнажать свои убеждения, пристрастия и предпочтения очень быстро сделали из него более явного врага. В результате, Саути стал объектом для непрерывных враждебных выпадов [15; 212-213].

Дебаты, касающиеся политических взглядов Саути, были очень интенсивными и полными желчи. То, что его имя стало у современников излюбленным предметом споров, отмечал и сам Саути. У. Хазлитт в своих эссе сумел очень искусно противопоставить Саути – ультра-якобинца в Уоте Тайлере и Саути – автора парламентской реформы, теперь уже ультра-роялиста. Хазлитт подчёркивал, что единственное сходство между Саути прежним и Саути нынешним – это только экстремизм его взглядов, и если Саути не апостат, то кто тогда им был вообще? [7; 2-3].

П. Эдвардс в работе «Мастерство государственного деятеля» ставит под сомнение саму традицию «отступничества», которая предполагает, что озёрные поэты прошли от «якобинского радикализма» до «торийского консерватизма». И будь то У. Хазлитт в 19 столетии или Э. Томпсон в 20 столетии, П. Эдвардс полагает, что подобные обвинения обусловлены политическими, и что романтики «намеренно и драматично были представлены в роли Иуд». При этом подчёркивается, что даже сам политический дискурс, который обозначает отступничество, не отмечен присутствием логики, т.к. термины являются либо ярлыками партийной принадлежности, либо анахроничны, а те, которые непосредственно касаются идеологии, употребляются чересчур обобщённо [10; 4].

Действительно, Саути было всего пятнадцать лет, когда началась Французская революция и сам тот факт, что он вскоре после этого стал страстно сопереживать делу революции [5; 7] а потом сменил свои взгляды должен вообще мало кого удивлять. Редко какой человек, на наш взгляд, сохраняет все свои убеждения, которые у него были в пятнадцать лет. К тому же, мало кому требуется целая жизнь, чтобы «эволюционировать» от взглядов в 15 лет до чего-то качественно нового. Тем не менее, клеймо отступника сделало из Саути недоромантика, «романтизм» которого и теперь нравится так мало.

В этой связи следует также подчеркнуть, что Саути никогда не был оппортунистом-приспособленцем. Г. Бламирес говорит о том, что в своё время поэт отклонил предложение занять выгодный пост в Таймз, не принял членство в Парламенте и баронетство, предложенное ему сэром Робертом Пилом [3; 40]. Подобную мысль высказал и Э. Бернбаум, который отмечал, что все, кто считает, будто Саути стал тори из корыстных соображений, могут поразмыслить над тем, что в 1815 г. поэт мог бы стать сэром Робертом Саути, но отказался принять предложенное ему баронетство. Из множества отличий, предложенных ему, единственное, которое он принял – это степень доктора юридических наук от своего родного университета – Оксфорда [1; 162].

Саути-романтик недооценён ещё и потому, что многие западные учёные обходят вниманием собственно литературоведческие вопросы и проблемы, концентрируясь на изучении социальных и политических взглядов романтиков. Монография «Политические идеи английских романтиков» (1926) К. Бринтона ознаменовала собой очень важный этап в изучении романтизма в Британии, т.к. именно этот автор ввёл в интеллектуальную историю страны понятие о **романтической** (выделено мной – Л. К.) социальной и политической мысли. Д. Крейг подчёркивает, что в то время как сам подобный подход стал необыкновенно влиятельным, он тоже является проблемным [7; 5]. Учёный подчёркивает, что лейкисты действительно являлись неотъемлемой частью общественно-политической жизни Британии конца 18-начала 19 вв., поэтому в то время любые их идеи не оставались незамеченными. Уже тот факт, что У. Смит однажды размахивал в парламенте выпуском «Куотерли Ревью», где была опубликована статья Саути, а У. Хазлитт страстно писал о его отступничестве, подтверждает тезис о том, что Саути был незаурядной личностью в современную ему эпоху [7; 9].

Кольридж, как считалось, ясно изложил концепцию, противоположную духовно обеднённой утилитаризму. К концу 19 века стали полагать, что Саути предугадал проблемы индустриального общества, а Вордсворту приписывали то, что он предвидел доктрину национализма за 40 лет [7; 4]. Лорд Шафтсбери и Томас Карлайл изучали как Саути критиковал индустриальное общество, а А. Дэйси в 1905 г. утверждал, что именно Саути был основным критиком индивидуализма, который надеялся, что моральный авторитет Церкви и действенная политика государства могут противостоять последствиям *laissez-faire*. М. Биер утверждал, что среди лейкистов у Саути был

наиболее анти-капиталистический дух. Подобное мнение в отношении Саути разделял и А. Коббан[7; 8].

Положение о том, что политические симпатии озёрных поэтов были близки к наиболее радикальным политическим движениям того времени, содержится и в работе В. Немоиану «Укрощение романтизма: европейская литература и век бидермейера» (The taming of romanticism: European literature and the age of Biedermeier(1984)). Исследователь отмечает, что жирондистские друзья Вордсворта были пылкими республиканцами и демократами, пантисократическая схема Саути и Кольриджа была недалеко от коммунизма, Годвин, должно быть, оказывал влияние на Кольриджа. Однако в 1820-х гг. оба и Вордсворт и Кольридж стали защитниками англиканской церкви, порядка и социальной иерархии. Саути, автор Уота Тайлера, стал ненавистным символом конформизма как поэт-лауреат и ярый поборник консерватизма; в результате, как справедливо отметил В. Немоиану, последние полтора столетия Саути платит за это тем, что недооценен, как поэт[14; 45].

В другой своей монографии «Триумф несовершенства:...» (2006) тот же автор указывает, что положение Саути усугублялось ещё из-за неподдельной и страстной защиты им низших слоёв общества, ярким недовольством нищенскими условиями, и гневным неприятием либерализма. Отмечается, что идейно Саути скорее был братом Коббетту, нежели Бёрку. Коббетт, подобно Саути, но в более радикальной и даже яростной манере был анти капиталистом, который ностальгировал по деревенскому прошлому. Они оба выражали неподдельный гнев против системы, которая держала большую часть населения в абсолютной бедности[15; 214].

Дж. Г. Покок в работе «Макиавеллиевский подход: флорентийская политическая мысль и атлантическая республиканская традиция»(2009). доказывал, что эволюция «либерализма»–политического и экономического индивидуализма – ни в коей мере не была простой или беспрепятственной, в результате чего эта борьба и определила радикализм 18 столетия, который был проникнут взглядом в прошлое: к англо-саксонской конституции, фригольдеру, размышлениям о роскоши и т.д. Он также предположил, что «романтический радикализм», как любые другие радикализмы до него, вытекал как из республиканского, так и из торийского истока, что может способствовать пониманию пути Кольриджа, Саути и Вордсворта от республиканской юности до позиции тори в пожилом возрасте[17; 374-377].

Дж. Мендилов также доказывает, что Саути был куда меньшим догматиком и ортодоксальным консерватором, нежели многие исследователи пытались его представить. На самом деле в политических симпатиях Саути автор усматривает его попытку привнести нечто новое в идеологию консерватизма, устранить его устаревшие элементы и трансформировать консерватизм в идеологию, которая была бы способна прагматично справляться с наиболее острыми национальными проблемами[13; 78].

Таким образом, проведённое исследование даёт все основания утверждать, что в западноевропейском и в американском литературоведении творчество Саути на данном этапе ещё не оценено по достоинству, не изучено исчерпывающе даже в отдельных аспектах, и это, безусловно, открывает широкие перспективы для дальнейшего научного поиска.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Bernbaum, Ernest. Guide through the romantic movement.–Ronald Press, 1949.–351p.
2. Bernhardt-Kabisch, Ernest. Robert Southey.–Boston: Twayne Publishers, 1977.– 198 p.
3. Blamires, Harry. The age of romantic literature.–Longman, 1990.–176p.
4. Brown, Charles Thomas. Life of Robert Southey.–Chapman and Hall, 1854.–298p.
5. Carnall, Geoffrey. Robert Southey.– British Council and the National Book league, 1964.–40 p.
6. Chew, Samuel & Attie, Richard. A Literary History of England(edited by Albert C. Baugh).–Volume IV.–Routledge & Kegan, 2005. – 512p.
7. Craig, David Marcellus. Robert Southey and romantic apostasy: political argument in Britain, 1780-1840.– Boydell and Brewer, 2007.–236p.
8. Day, Aidan. Romanticism.–Routledge, 1996.–217p.
9. Dowden, Edward. Southey.–CUP, 2011.–214p.
10. Edwards, Pamela. The statesman's science: history, nature, and law in the political thought of Samuel Taylor Coleridge.–Columbia University Press, 2013.–294p.
11. Fairer, David. Southey's literary history//Robert Southey and the contexts of English Romanticism (Pratt, Lynda (ed.)). – Aldershot, England; Burlington, VT: Ashgate, 2006.–PP.1-19.
12. Literature and Authenticity, 1780-1900: Essays in Honour of Vincent Newey. –Ashgate Publishing, Ltd., 2011 – 230p.
13. Mendilow, Jonathan. The romantic tradition in British political thought.–Taylor & Francis, 1986.–267p.

14. Nemoianu, Virgil. *The taming of romanticism: European literature and the age of Biedermeier.*—Harvard University Press, 1984.— 302p.
15. Nemoianu, Virgil. *The triumph of imperfection: the Silver Age of sociocultural moderation in Europe, 1815-1848.*— University of South Carolina Press, 2006.—258p.
16. Perry, Seamus. *Romanticism. The Brief History of a Concept// A Companion to Romanticism.* —John Wiley & Sons, 1999.—PP.
17. Pocock, J.G. A. *The Machiavellian moment: Florentine political thought and the Atlantic republican tradition.*—Princeton University Press, 2009.—648p.
18. *Romanticism: An Anthology (with CD-Rom).*— John Wiley & Sons, 2012.—1656 p.
19. Storey, Mark. *Romantic Biography: The Case of Robert Southey//Romantic Biography.*—Ashgate Publishing, 2003.—PP. 33-48.